PG 3349
.U4 P6

1836

ПОЛТАВА.

Печатать позволяется
С. Петербургъ 25 Іюля 1835 года.
Цензоръ П. Гаевскій.

Pushkin, Alexandr Sergeevich
Poltava

ПОЛТАВА.

ПОЭМА А. С. ПУШКИНА.

Вольный переводъ на Малоросійскій языкъ.

Е. Гребёнки.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи И. Воробьева.
1836 года.

PG 3349
.Z4P6
1836

Посвящается

АЛЕКСАНДРУ СЕРГѢЕВИЧУ

ПУШКИНУ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Богатый дуже Кочубей:
Іого ланамъ конця немае,
Іого отара скризь гуляе
Въ зеленимъ лузи безъ людей;
А лугъ ажъ стогне пидъ воламы,
Пидъ киньмы гарнымы й вивцямы.
Богацько у іого добра, ...
Отласу, хутра и срибла,
На видноци и пидъ замкамы
Та пышный Кочубей не тимъ,
Не довгогривимы конямы
Не батькивскимы хуторямы,
Не злотомъ, бачите, якимъ
Іого що годъ дарус Крымъ;
Дочкою гарною своею
Ты забогативъ Кочубею!

Тай правды ничого ховать,
Нигде нема Маруси ривни,
Вона мовъ квитка та дубривна,
Що тилько стала розцвитать;
Тополя буцимъ на могыли,
Гинкый, та гнучій станъ премылый;

Якъ шумъ биліе вся вона;
Кругомъ дивоцького чола,
Мовъ хмары, косы бованіютъ,
Якъ Макивочка — ритъ красіе,
Очици — якъ зиркы блыщятъ.
Вродлывая! ни втять, ни взять.

Та не одною липотою
Маруся звисна стала всимъ;
А биліше розумомъ своимъ,
Витлывимъ серцемъ и цнотою.
За те моторныхъ женыхивъ
Сваты товчутся у порога,
Та щось винця, мовъ кайданивъ,
Лякается моя небога;
Всимъ молодимъ—гарбузъ якъ тутъ,
Ажъ ось сваты Гетьмана йдуть.

Старый винъ, спитканый війною,
Годамы, працею, смутою;
Щожъ? духъ Мазепы закыпивъ,
И — знову Гетьманъ полюбывъ!
Хочь винъ до пелеха сидого

Изъ парубикы молодого
Не перескочывъ, пережывъ.
Не сарна пидъ байракъ втикае
Орла почувшы на спыни;
По синямъ Панна похожае,
И жде що скажуть: такъ, чы ни.

Ось выйшла маты, и зъ сліозамы
Приголублывимы словами
За руку взявшы каже ій:
«Брыдкый, мерзеный, глянь поганецъ!
Чы можно? ни паскудный ланець!
Гриха ты не збудуешъ, злый!
Тобибъ, якъ то ведется викомъ
Хрещеныцынимъ Батькомъ буть....
Іого черты у пекли ждуть;
Винъ хоче буть ій чоловикомъ!»..
Маруся задрыжала, зъ рукъ
Зпустылась хустка шовковая,
Поблидшы, нибы нежывая,
Упала дивка на рундукъ.

Хочь одыйшла вона, да знова
Зымкнула очи; ни пивъ слова

Некаже; батько, маты тутъ
Биля ій усе возылысь;
Хрыстылысь, плакалы молылысь.
Воны того сердешни ждуть,
Щобъ ій на сердци лехше стало,
Щобъ дытятко хочь закуняло.
Не тутъ було, два цилыхъ дня
Все мовчкы хлыпала вона,
Ничого ни пыла, ни ила,
Опричь людей соби ходыла;
Тынялась утинка, якъ гычь
Одъ витру гнется при дорози;
Було смутнесенько небози,
Все рюмала, не третю ничь
Лыха годынонька настала:
Ій свитльця зпустковала.

Нихто незнавъ, колы вона,
Пидъ ничку, сплыснула зъ двора;
И тильки мовъ козацкій гоминъ
Ту ничь въ саду рыбалка чувъ,
Та въ ранци слидъ на лузи бувъ,
Що по роси скакалы кони.

Не тилько парубоцкый, чорный,
Закручованый усъ моторный,
Чаруе молодихъ дивчатъ;
А деколы й старого взглядъ,
Що дывится, мовъ сычь зъ пидъ стрихы,
Давно забувшы жарты й смихы,
Знаходитъ не дивчыну, кладъ,

Не знаю якъ робылось тее;
А швыдко и до Кочубея
Такая звисточка дойшла,
Що позабувшы Бога й соромъ,
Iого дочка въ Гетьмайскій хоромъ
Якъ полюбовныця ввійшла.
Що тутъ робыть? и батько и маты
Соромляются выйты зъ хаты,
Не слухають, що каже людъ.
Да якъ хрещенихъ обмануть?
Тогди усимъ, бачь, стало явно,
Чого збентежыла такъ марно,
Вона весслость литъ своихъ;
Чого тыхенько все здыхала
Й на залыцанья молодихъ

Забаскалычывшысь мовчала.
Чого въ беседи за столомъ
Вона все слухала Гетьмана;
Колы горилка шумовала
И чарка повнылась выномъ.
Чого все письни ти спивала,
Що винъ колысь компоновавъ,
Колы іого нихто незнавъ,
Колы іого ще доля спала.
Чого, мовъ парубокъ, вона
Любыла висько и коня
И гукъ и галасъ барабана:
Якъ тильки въ чыстый степъ зъ двора
Блысне бунчукъ и булава
Ясновельможного Гетьмана

Ниврокy, мае Кочубей
Худибчыну, мовъ и въ людей
Въ іого пріятеливъ багато,
Іому ничого, сыдя въ хати,
Въ Пилтави смутокъ заплодыть,
Винъ здужа, Гетьману злодію,
Сриблохвиліовастому змію,

У сердце нижъ загородыть ,
Винъ здужа, здужа.... да не тее
Лежить ка думци Кочубея!...
За билого Царя Петра
(: Колысь давно робылось дуже)
Винъ бувъ розумный, гарный, дужый,
Шмыглявъ, въ шатро изъ пидъ шатра
За трыдевять земель въ чужбыни:
Дывывсь на дывовыжи тамъ,
И те заводывъ въ Московщыни,
Що льготою було людямъ.
Попавсь небижчыкъ въ анацію,
Якъ Шведъ крутывъ, бачь, веремію ,
Въ Москву славъ висько видусиль.
Покы невывчывсь воеваты
Петро, тай давъ поганцямъ знаты!
Оддяковавъ за хлибъ, за силь.
Вершлягъ хочь шклянку розбывае,
Та штуку зъ крыщи выгынае

Карлъ постягавшы Нимцивъ сылу
Ышовъ вийною на Москву;
Змитавшы Москаливъ дружыны,

Якъ выхорь пылъ жене зъ дольны
И на облози гне траву.

Тогди Украйна мурмотала,
Мовъ литомъ бжилъ на сонци рій.
Вона до себе Карла ждала,
Щобъ волю давъ скорище ій.
Кругомъ Гетьмана обзывався
Негарный гвалтъ: пора! пора!
А все, здавалось, оставався
Мазепа вирнымъ до Петра.
Буцимъ не чуючы ничого
Гетьманъ ни на що не дывывь,
Цуравсь умысне одъ усіого,
Зъ бенкетамы, то що, водывсь.

«Щожъ Гетьманъ!» парубкы гукалы,
„Чого винъ жде старый Іовтухъ?
Годы та праця зопсовалы
У іого Атаманьскый духъ.
Чого жиночою рукою
Ище винъ носыть булаву?
Теперъ ушкварыть бы війною
На ту ненависну Москву!

Колыбъ старый нашъ Дорошенко
И Самойловичь молодый,
Або Палій и Гордіенко
И-зъ козакамы сталы въ стрій;
Тогди въ снигу, въ лыхій годыни
Въ Москви не дохлыбъ козакы» ....
И скризь по селамъ Украины
Рушалы сотни и повкы.

Хто зыйде въ ричку, якъ покрые
Изъ верху крыга ричку ту?
Хто зъ васъ пидлызы темноту,
Лукавого, хто врозуміе,
Ехидковату простоту?
Чимъ сердце у кого поганше,
Тимъ зъ выду винъ бувае краще.
Плохенькый буцимъ ягныня,
Мазепа зъ дидусемъ товкуе
О старосвицкихъ, гарныхъ дняхъ;
И зъ безталаннымъ самъ жалкуе;
Зъ бурлакамы соби мыркуе
Про волю, се то те плете;
Дивчатамъ меле про коханье,
И зъ молодымъ про зальщанье,

Зъ дурнымъ розумну ричь веде.

Давно у пазуси пидъ бокомъ
Мазепа гадыну зогривъ,
Та Кочубей орлячимъ окомъ
Ту злистъ гадючу прослидывъ.
„Я соромъ свій и соромъ жинкы
„Незакохаю межъ людей
(:Скрегоча каже Кочубей:)
Я не займу твои будынкы,
Турьму Марусеньки моей
Ты не зпечешся на пожари,
Втечешь и шабельной кары
Тоби се трохы; ни въ Москви,
Якъ вьюнъ вьючысь въ клищахъ Московскихъ,
Въ гарячій плывучы крови,
Изкорчывшысь одъ мукъ бисовскихъ,
Ты проклянешъ, той день и часъ
Колы дочку хрыстывъ у насъ,
И беседу, де повну чашу
Тоби, я зъ чести, наливавъ,
И ничь, якъ голубьятко наше

Старый Шульпика заклювавъ!„

Колысь то времячко бувало
Воны братецьки, мовъ, жылы;
У купи илы хлибъ чы мало,
Або й вареную пылы.
Колысь, и на поли скакалы
Ихъ кони поручь на невиръ;
Дня не було щобъ не виталы
Воны одынъ другого двиръ.
Балакаючы зъ Кочубеемъ
Тогди Гетьманъ не постеригсь;
Бачь закыдавъ на те, на сее,
Та въ дурни, ни-видсиль пострыгсь.
Теперъ одно судья кохае,
Бажа умысне одного:
Дочку одъ лыха одвалае
И ворога свого зволае,
Або издохне одъ іого.

Винъ злисть у сердци затаившы,
Прикынувсь буцимъ забувавъ
Свою биду; и дочку гирше
Передъ народомъ кепковавъ.

Але, промежъ ридни шукавъ
Соби товарыщивъ вирнищихъ.
И жинцы нышкомъ росказавъ,
Що на Гетьмана винъ доносыть.
(: Мабуть самый нечыстый просить
Жинокъ до дила вербовать :)
Ни исти не дае ни спать,
Все шепче жинка Кочубею,
Домовыкомъ за нимъ лита,
Щобъ лысты славъ винъ до Петра,
Гарчыть съ докукою своею:
„Мабуть не зробышь? забожысь!
— Ну добре, тильки видступысь
И винъ кленется передъ нею!

Помырковалы, погадалы,
Зробылы все, якъ добре знылы,
Зкомпоновалы лыстъ Петру.
Лыстъ на Гетьмана препоганый,
И Искра, Кочубей и Пани,
Що знылы, все мостылы тутъ.
Та хтожъ яснійшому Цареви,
Московскому Государеви,

Папиръ сей вирно донесе?
Вродылось на биду усе:

Бувъ найкращый межъ козакамы
Одынъ ще молодый козакъ;
И сей зъ другимы парубкамы
Гарбузъ изхрумавъ неборакъ.
Марусеньку кохавъ винъ дуже,
Про іого все було бай-дуже,
Але про мылую гадавъ
И въ думкахъ ниченькы не спавъ.
Блукавъ що дня, або край ричкы,
Або ховався у поричкы
Щобъ подывытся якъ вона
Зъ господы куды небудь йшла.

Колыжъ межъ людомъ про Марусю
Негарный поговиръ литавъ,
Неперемигъ свою винъ душу,
Про си мовчкы жалковавъ,
А все кохать не преставъ.
И мья пресучого Гетьмана,
Мовъ жыдъ, якесь имья Гамана,
Кусавшы чорный усь ворчавъ.

Хто мисяцемъ, та по зори
Закато скаче на кони?
Чій кинь, мовъ Крымкый хиртъ пид-
жарый,
Степомъ, такъ швыдко, прудко парыть?

Козакъ въ Московщыну летыть;
Козакъ ни исть, ни пье, ни спыть,
Ни въ чистимъ поли, ни въ дуброви,
Ни на дубу, ни на пороми.

Якъ скло, шаблюка такъ блыщыть,
Капшукъ у пазуси бряжчить;
Не спотыкавшысь кинь порсклывый
Бижыть, пуска по витру грыву.

Забавка шабля, молодцю,
Дукативъ, требажъ бачь, гонцю;
Коня, соби въ пидмогу мае,
Та шапци грошей не закладае.

Раднищый винъ за еи дать
Коня дукаты и булать;
Ии бъ оддавъ хибабъ якъ куля
Iого зъ коня навзнычь зыпхнула.

Чогожь за шапку винъ крепыть?
— Бо въ шапци тій папиръ лежить,
Папиръ на лютого Гетьмана
Царю, одъ Кочубея пана.

Гетьманъ хуртовыны нечуе,
По своему усе мудруе.
Якійсь то старецъ, то чернецъ,
Що вечоръ лизуть у дворецъ
И тамъ всю ничь, мовъ розбышакы,
Або у вивчаря собакы,
До свита билого гарчять.
Недобре щосъ воны товкуютъ,
Землею ридною торгуютъ,
Торгуютъ Богомъ и Царемъ
Зъ невирнымъ Шведскимъ Королемъ.
Поганьци, найметы Гетьмана,
Видъ ричкы Ворсклы до Лымана
Пускаютъ межъ народъ ману;
Заворушылысь Запорожци,
Загомонилы Чорноморци,
Гудуть станыци на Дону.
Въ Очакови, земли Турецкій,

Зыбралась, щось не побретецьки,
Песиголовцивъ череда;
Въ Москви Король воюе Шведскій,
Гогоче Крымская орда.

Якъ же псяюха винъ злякався
Колы надъ нимъ ушкварывъ гримъ;
Колы іому зъ Москвы прыслався
Папиръ, зъ доносомъ тимъ самимъ,
Що на іого видсиль послалы.
Боярство изъ Москвы пысало
Ласкавый до іого прывитъ,
Такимъ сякимъ іого витало.
(Бо вовка за ягнятко мало.)
Такый и бувъ, и буде свитъ!
Самъ Царь Петро, вельможный, билый
Муштруючы велыки сылы
Насупротывъ Нимецкихъ вискъ;
Въ смути не розыбравъ доноса
И нахвалявсь утерты носа
И выбыть зъ невгамонныхъ виськъ.

Облывшысь теплимы слезамы
(Хочь мабуть теръ по пидъ очамы:)

Мазепа лыстъ Царю пысавъ,
И такъ іому слебезовавъ:
То бачыть свитъ и Госпидъ знае,
Що я Гетьманомъ 20 литъ;
Цареве все, що я ни маю!
И я теперъ никчемный дидъ
Коверзовавъ бы ще про зраду?
Глянь що не вымудруе зло!
На що мини бентежить славу?
Хыбажъ не я то, Станиславу
Видказъ одризавъ на голо?
Хибажъ не я поклонивъ Хана
И Цареградскаго Султана
И чуть и бачыть не хотивъ?
Нежалуючы праци й крови
Изъ однои къ Царю любови,
Що разъ по переду повкивъ
Крышывъ паскудныхъ ворогивъ.
Хыбажъ не я?., та що й казаты!
Теперь же іонъ іого я маты,
Не мене навелы туманъ!
Чого я не чувавъ изъ роду!
Мабуть изъ пальця смокчуть воду

И Кочубей и Искра Панъ!
Я зъ нымы жывъ якъ изъ братамы!
И зъ прыкыдлывимы сліозами
Бажае смерти ихъ Гетьманъ!

Чого ты хочешь, песькый сыну?
Чого есы ты забажавъ?
Ты Кочубейскую дытыну
Хыба давно якъ обнимавъ?
Маруся! бидная Маруся!
Охъ, страшно, вымовыть боюся,
Колыбъ пизнала те, кого
Вона до сердця прыхыляе!
Про те вся Украина знае,
Одна не знаешъ ты того.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ

Мазепа дуже щось смутный;
Стоить Маруся биля іого.
Винъ не балакае ничого,
Звычайно кажуть: самъ не свій.
Хочь що вона іого й пытае,
Винъ, буцимъ то, не дочуває.
Мовчанка ій надопекла,
Ій дуже, дуже жалко стало,
Небога щыро зарыдала,
И такъ казаты почала:

Маруся.

Чогось ты не зъ добра сумуешъ,
Одъ мене утикаешъ ты;
Мабуть погане щось мудруешъ
Мабуть..... не любышъ сыроты!
Охъ, серденько не добре чуе,
И день и ниченьку болыть;

Не знаю, що воно вищуе,
А щось мене не веселыть.
Дарма що въ ту . . . ты знаешъ, ничку,
Якъ погасывшы въ хати свичку
Божывся викъ мене любыть;
Тогди . . . . якъ стала я твоею,
Якъ розриднылася зъ риднею,
Ты мусывъ, безъ мене не жыть;
Теперъ зовсимъ не тее дило . . . . .
Мабуть тоби я надоила;
Ты день — денычкы въ сторони,
Зызнався зъ Дульскою якоюсь
Ну одчогожъ, скажы мини,
Николы ты передо мною
Про Дульску слова не сказавъ?

Мазепа

Воно! я й перше угадавъ!
Отце ты серденько ревныва.
Зъ яко́гобъ, навиженный, дыва
Я за дивчатамы гасавъ?
Хыбажъ отцій сидій чупрыни
Дотепно кланятся дывчыни

Не знаешъ добре ты мене!
Минется одъ дивчатъ охота,
Якъ въ голови сыдытъ робота,
Та всяка думка шыю гне....
А ты, изъ дила злыдни робышъ

Маруся

Ты околесыцю городышъ!
Не хочу, вспражкы роскажы.

Мазепа

Ну слухай сердце, годи, годи,
Да що почуешъ то мовчы:
Давно мы заварылы дило,
Теперъ воно кыпыть у насъ;
Годына гарная наспила,
Прокалатае швыдко часъ.
Давно безъ батьковскои славы
Мы, якъ волы, въ ярми жылы,
У подданстви, або Варшавы,
Або велыкои Москвы;
Возытся годи зъ Москалямы,

Украйни царствомъ буть пора:
И я моимы козакамы,
Шпурну на моцного Петра!
Москаль жахнется передъ намы
И може.... буду я Царемъ....
Зъ собою за одно я маю
И Карла зъ Польскимъ Королемъ,
Княгиня Дульская оттая,
Та старецъ той, та Іезуитъ,
Одъ ихъ до мене лысты носять.
Ну, е за що мене журыть?
Оттакъ жинкы що дня голосять;
А розпытай, сама не зна,
Чого сталыться нависна!

Маруся

Ты будешъ Царь на Украини;
Якъ гарно на сидій чупрыни
Засяе золотый винецъ!...

Мазепа

Та почыкай, ще не конець,
Богъ вись про те, що дали буде.

Марусѧ

Тебе вси поважають люде,
На смерть за тебе, кожный радъ,
Ты кращый будешъ царь одъ Мыру
Тебе жде Царство,

Мазепа

А якъ катъ?

Марусѧ

Пиду зъ тобою пидъ сокыру...

Мазепа

Марусе, рыбонько моя,
Марусе ты мене кохаешъ!

Марусѧ

Хто, я?

Мазепа

— Еге.

Марусѧ

Хыба не знаешъ!

Мазепа

Дорожчый хто тоби, чы я
Чы батько?

Маруся

Годи серце мыле!

Мазепа

Що, якъ бы люде присудылы,
Щобъ кого небудь зъ насъ убылы,
А тыбъ обомъ була суддя;
Когобъ пустыла ты на муку?
За кимъ бы вспражкы потягла,
За батькомъ, чы за мною руку?

Маруся

Геть угамуйся, глянь на себе,
Якый страшный ты и блидный!
И въ пекло я пиду за тебе.

Мазепа

Не забувай що кажешъ ты!

Давно вже сонечко зайшло
За гору, генъ по той бикъ ричкы;
Ущухнувъ гоминъ, давъ Богъ ничку,
На двори тыхо все було.
Зиркы въ горахъ, мыгають, сяють,
Вода якъ чысте скло стоить,
Изъ хмары мисяцъ выплывае:
Усе мовъ золото блыщыть.
Билоцеркивка, садъ Гетьманскый,
Будынокъ старосвицкый, паньскый,
И ричка повная воды.
Ни що, нигде не зашастуе,
Осыка лыстомъ не жартуе,
Въ будынцижъ, е за те смуты:
Тамъ шепчуть тых[illegible]л речамы,
Тамъ у свитлыци, за замкамы,
Въ зализахъ Кочубей сыдыть,
И въ небо сумно винъ глядыть.

Уранци смерть, не ма винъ страху,
Бо смерть для праведныхъ покій.
Та мовчкы якъ ыты на плаху,
Мовъ у ризныцяхъ вилъ на бій,

Ыты на смерть за праве дило,
За те, що мае ворогъ власть;
Весты прыятеля въ напасть,
Несты на муку, честь и тило!
Якъ винъ скалытымется смило,
Махне, и жаба цыцькы дасть!...
И здумавъ Кочубей Пилтаву,
Семью веселу й козакивъ.
И писни дочкы, й першу славу,
Беседу зимнихъ вечоривъ,
И те село, де винъ родывся,
Будынокъ батьковскый, старый,
Де винъ добро любыть зучывся,
Де писля праци мовъ покій.
Теперя треба все оставыть!
За що? про що?
А клямка стукъ;
Забрязкотило щось замкамы.
»Отце мабуть изновъ для мукъ
Иде Мазепа зъ наймытамы.«
Разъ, лусь замокъ: холодный питъ,
Удругый разъ: сыпнуло жаромъ.
«Ни, може то зъ хрыстовимъ даромъ

Иде до мене честный пипъ.»
Ось двери скрыпъ; сусиль до іого,
Мись панотця, зъ хрестомъ, святого;
Худенькый, у очу дрибный,
Полыгачъ бисивъ, Орлыкъ злый.
На зустричъ Кочубей мовляе:
«Мене ты знову мучыть маешь!

Орлыкъ

Не все казавъ, ты ще кажы

Кочубей

Изгинъ маро, геть, пречъ бижы,
Покынь мене.

Орлыкъ.

Однее дило
Намъ заразъ треба показать.

Кочубей

Що показать? и такъ насыпу
Я самъ на себе набрехать

Зумивъ, що вы мини казалы,
Чегожъ вы знову забажалы?

Орлыкъ.

Мы знаемо изъ давнихъ литъ
У тебе е клады зарыти;
Теперъ ты оставляешъ свитъ,
Скажыжъ, твои де гроши скрыти?

Кочубей

Такъ! мавъ и не одынъ я кладъ,
Та вы зумилы одыбрать;
Одынъ якъ кровъ мою смокталы,
Навикъ одъ мене одтягалы;
Той кладъ бувъ честь; другый була
Дочка, одъ васъ же не втекла;
За-знаю я ту ничь прокляту,
Якъ осоромлялы вы хату.
А третій кладъ въ души сыдыть;
Винъ мусыть зъ Богомъ говорыть....
То вичне безголовье кату.

Орлыкъ

Покинь не вись що городыть,
Старый та дурень, глянь на небо,
Оттамъ ты будешь завтра жыть,
Кажы де гроши, те намъ треба.
Чогожъ замовчавъ?

Кочубей

Наймытъ злый!
Робы що хочъ, та згынь швыдчій.
Дай хочь лягты у домовыну,
Навикы очи дай закрыть;
Тогди, беры мою дытыну,
Иды и зъ нею скарбъ личыть,
Бижить кривавымы рукамы
Ломать коморы и зъ ліохамы,
Беритъ и злото и срибло.
Дочка вамъ схованкы покаже,
Где, якъ лежыть, мое добро,
Вона все зна, и вамъ роскаже.

Орликъ.

Сховавъ де гроши, покажы!
Не хочешъ? гроши де скажы.

Ты швыдко заспиваешъ враже!
Кажы, де зхоронывъ ты кладъ?
Мовчышъ? Га? що? а ну лышъ катъ!
И катъ прышовъ.....

Лыха година!

А дежъ Мазепа песькый сынъ,
Де винъ поганая лычына?
— Балака про себе одынъ,
На лижку сыдячы Маруси.
Мовъ гадъ іого кусае душу,
А въ голови, нечысте все
Невись якъ розумомъ мутуе:
«Хочъ такъ, хочъ сякъ, а треба се,
Хай ворогъ до чортивъ мандруе!
Та якъ Марусенька знесе,
Колы про смерть отця почуе!
А бильше ничого вылять,
Въ мишку, не заховаешъ шыла
Мини тебе хочь жалко мыла,
Биды не можно одволать.
Уранци завтра, въ Украини,
Вси, видъ старого, до дытыны

Про смерть судьи загомонять....
Зробыть хто хоче певне дило
И незатопыты душу й тило,
До себе жинкы не маны:
Бо зъ роду, зъ вику не чувалы,
Щобъ колы небудь у ярми,
Хочь бы возылы, хочь оралы,
Укупи вилъ и козыня!»
А мисяць блысь изъ за викна.
Мазепа гулькъ; Маруся спала.
«Якъ тыхо, гарно спыть вона,
Бо ще про лыхо не пизнала;
А завтра!» и паскудный гадъ
Видъ си очи выдвертае,
Встае, зъ свитлыци выповзае
И шамотить у темный садъ.

Давно вже сонечко зайшло
За гору, генъ по той бикъ ричкы;
Ущухнувъ гоминъ, давъ Богъ ничку,
На двори тыхо_все було.
Мазепа выбывся изъ моци,
Въ душижъ Мазепы щось страшне,

Зла думка, думку злу жене;
Іому здается, зиркы ночи,
Мовъ Бога праведного очи,
На іого карою глядять,
Й тополи ростучы у рядъ,
Тыняючыся головамы,
Про іого де що шепотять
Недовидомимы речамы.
И литня ничь іому душна,
Буцимъ пидземная турма.

По малу небо занималось
И край іого почервонивъ;
Все ворушылось, все рушалось,
И лисъ и степъ заблыскотивъ;
Уже й пташкы защебеталы,
Годына враншиня настала,
Хрещеный людъ загомонивъ.

Маруся ранкомъ ще куняла.
Кризь сонъ вона не розыбрала,
А чула, не одна була:
Ии за ногу щось будыло,

Вона очыци видвела
И зновъ зажмурывшысь закрыла,
Бо свитъ зовсимъ ихъ засновавъ.
Зъ просинокъ дивка потягнулась,
До-долу зъ неи кылымъ знавъ.
«Се ты Мазепо?» и жахнулась:
Другу ій мову хтось казавъ.
Розкрыла кари очынята,
Здается передъ нею маты!
«Хто се такый?

Маты

Мовчы, мовчы,

Не зкампуты насъ, я въ ночи
Сюды прошылась нибы муха,
Тебе щобъ тильки ублагать,
Щобъ у Гетьмана одволать
Смерть батькови, ой доню слухай!
Зрятуй іого!

Маруся

Що? батько ... якъ?
Якая смерть?

Маты

Хыба не чула!
Хыбажъ се лисъ, або байракъ?
Ты, бачу, насъ зовсимъ забула!
Ще межъ народомъ ты жывешъ,
А не денебудь середъ степу;
Катуютъ батька, ты зовешъ
До себе гаспыда Мазепу!
Бижы мерщій, молы іого,
Щобъ одпустывъ отця твого.
Очумайсь дочко, пизно буде!
Зырны, збираются вже люде!
Тебе послуха Гетьманъ злый,
Для іого соромъ ты забула,
Ридню и Бога и покій
Навикъ згубыла....

Маруся

Що я чула?
Лыха годынонька моя!
Катують батька, Гетьманъ, маты
Передо мною тута въ хати;

Чы зъ глузду зсунулуся я?
Мана се чы що?...

Маты

Госпидъ зъ намы..
Се не мана, передъ очамы
Твоимы, матинка твоя.
Чывжежъ сіого ты не чувала,
Що якъ видъ насъ помандровала,
На звирость ворогамъ якъ знавъ,
Царю твій батько на Гетьмана
Про дещо певне одписавъ.
Що въ мукахъ катержныхъ бидашный
Сказавъ: що зъ дуру, врагъ зна на що,
Винъ несенитныцю брехавъ.
Гетьману Царь іого оддавъ,
Й передъ громадою людскою
И старшиною військовою,
Іому Гетьманъ — боюсь казать —
Зыбрався.... голову одтять!

Маруся

О мылый Боже! мало, душко!
Якъ порятую батька я...

— И дивка блыснула въ подушкы,
Зовсимъ, мовляютъ, якъ мерцвя.

Спысы блыщять, шапкы рябіють,
Бьють талымбасы. Сердюкы
По полю скачуть, скризь повкы
Ривняются. людъ гомоніе;
А шляхъ, мовъ той гадючый хвистъ,
Знай крутится, та все хвылюе.
На выдшыбъ у степу помистъ,
По іому ходячы жартуе
Зъ народомъ катъ, жде бидныхъ винъ;
Усе змишалось въ гвалтъ одынъ,
Жиночый крыкъ и людскый гоминъ.
Якъ ось гукнулы: Панъ Гетьманъ!
Ущухло поле, тилки кони
Закопотилы тамъ то тамъ.

Въ середыни межъ Сердюкамы,
Вельможный Гетьманъ зъ страшынамы
Скакавъ на чорному кони;
А генъ! по Кіевскій дорози
Тряслыся бендюги. Въ тревози
Туды вси очи навелы;

То горопашныхъ ихъ везлы.
Тамъ, Искра й Кочубей сыдилы
Чужи одъ мыру одъ земли;
Въ останній разъ на свитъ глядилы.
Ось поиздъ ставъ и заревилы
Попы Соборомъ одходну:
Зъ кадыльныць, наче смертью віе,
Усе запложуе суму;
Мовъ хмара, дымъ кругомъ сывіе.
Тыхенько молытся весь людъ.
Нещасныхъ, вже на смерть ведуть,
Зыйшлы и прихылывсь на плаху
Перехристывшысь Кочубей,
Якъ воромъ облыло людей.
Сокыра свыснула зъ розмаху
И заскакала голова,
Все поле ойкнуло видъ жаху;
Друга, за неюжъ скаче зъ плахы,
Покривавылася трава....
И катъ поганою рукою
Обыдви за чубы поймавъ,
И ихъ пиднявшы надъ собою
Въ останнѣ людямъ показавъ.

Капутъ бидахамъ. Народъ Божый
Балакаючы йде назадъ.
Про урожай, про дощъ погожый,
Про сусидокъ бабы ворчять.
По троху ридчало все поле;
Ажъ ось дви жинкы черезъ шляхъ
Побигли шпарко, у очахъ
У ихъ було велыке горе;
Вы опизнылысь! хтось сказавъ
И въ поле пальцемъ показавъ;
Помистъ дощаный тамъ ламалы,
Молывся въ чорнихъ рызахъ пипъ,
И вже на бендюгы стягалы
Два козакы зализный грибъ.

Одынъ по переду старшынъ
Гетьманъ скакавъ соби до дому,
Словечка не казавъ никому,
Про себе мырковавъ одынъ.
Не добрій буть тоби годыни!
Іому въ нутру хтось шепотивъ —
И чорный кинь въ питу и въ пини
Но взаводы въ двирецъ влетивъ.

Маруся де? Гетьманъ пытае;
Ни те, ни се іому ворчать.
Винъ у свитлицю — тамъ не мае;
Бижыть Мазепа прудко въ садъ,
Марусю кличе и гукае;
Якъ лысъ по стежкамъ покотывъ;
Все вышатырывъ, обходывъ,
Шарнувъ у теренъ, зазырае
Въ кущи, крый сажалкы, не мае!
Клене Гетьманъ свій ридъ и плидъ,
Марусынъ захолонувъ слидъ.
Скризь кони по шляхамъ заржалы;
Гонци Мазепы поскакалы
Туды-й-сюды, куды хто знавъ,
Куды хто на швыдку попавъ.

Нихто ни бачывъ ни чувавъ,
Колы вона зъ двора выльнула.
Мазепа мовчкы скреготавъ,
Вся двирня зъ ляку шыю гнула;
Гетьманъ въ свитлыцю зачынывсь,
Не спавъ цилисенькои ночи,
Іого зорылы страшно очи,
Винъ дуже побывавсь, томывсь.

Вернулись вранци изъ погони;
Еле жыви булы ихъ кони,
Вся зброя: сидла, нагайкы,
Мовлявъ, пидпругы й уздечкы,
Було все пиною облыте,
У кривъ помазане, побыте.
А про Марусю не прывизъ
Ни хто ни яку кажуть звись.
Буцимъ ін зъ земли не стало,
Покынула мовъ дивка мыръ.
Безъ неи маты пропадала,
Зъ бидою горе коштувала
Въ чужбыни — що зовуть Сыбиръ.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Щобъ краще одурыть Петра
Прыкынувсь хырявимъ Мазепа.
Вси знахори, хто изъ шатра,
Зъ Нименщыны хто, зъ лису, зъ степу,
Вси панькалы биля іого.
Винъ дывыться у домовыну,
На іого груды и на спыну
Набгалы врагъ знае чого;
Коржамы тимья облипылы,
У хати ладаномъ кадылы.
Цураючысь видъ у сіого,
Бажавъ винъ тильки одного:
Щобъ такъ умерты якъ хрещеный.
Архіерея винъ зове;
Й поголови іого мерзеній,
Святее мyро скризь плыве.

Московщына все Шведа ждала
Чы Швыдко въ гости прычвала,
И мовчкы висько зобирала,

Щобъ певно прочухрать зъ двора.
Тогди пизналы злу лычыну:
Дременувъ Карлъ на Украину;
Мазепа мытью зъ лижка вставъ.
Той, що пьять разъ вмиравъ учора
И еле ворушывсь, канавъ,
Теперь, іому не мае горя,
Винъ ставъ Петрови ворогъ злый,
Не ма винъ страху за плечима;
Блескотючы кругомъ очыма
Обзырюе Козацкый стрій.

Скрызь сяя вистка полетила.
Украина заклекотила:
Мазепа Москалю зминывъ,
Винъ ставъ теперъ полыгачъ вражый.
Не гарная зыйшла зоря
Зоря кривава.

Хто роскаже
Всю злисть правдывую Царя?
Гетьмана увесь людъ кепкуе,
Іого облычья катъ шматуе
А душу у церьквахъ кленуть;

На ради кожный коверзуе
Гетьмана иншого добуть.
Видъ ричкы, кажуть, Енысея
Увесь ридъ Искры й Кочубея
Назадъ якъ мога прывезлы.
До дому, ихъ Петро вертае,
Срибломъ и злотомъ обсыпае.
Видтиль, зъ тыеижъ пакъ земли,
И Палія притеребылы;
Винъ не любывъ, крый Боже мылый!
Якъ не любывъ Мазепы винъ,
Якъ дуже на іого сварывся.
На шыбеныци не одынъ
Моторный парень опынывся:
Изгынувъ Чечель мовъ блоха,
Да и вельможного бачь Пана
Изъ Запорожья Атамана
Щось доля не була плоха.

Кохансцъ війсковои славы
Синіокаптанковатый Шведъ
Надвынувъ на степы Пилтавы;
Петро тудыжъ повивъ передъ.
Насупротывъ воны посталы,

Якъ треба вiйсько вгамовалы,
Все пидъ мушкетомъ ни белмесъ.
И бачить Карлъ, зовсимъ не тее,
Тутъ не рушенье висковее,
Не Нарскихъ бачыть неотесъ;
Тутъ висько все було одбирне
Въ строю и пишее и кинне,
Штыкивъ блескучихъ цилый лисъ.
И винъ сказавъ: »ось завтра вранци
Я вамъ Москалыкы, поганци
Цыбулькы пиднесу пидъ нисъ.«

Ничъ свитъ обкутала собою;
Москаль и Шведъ уже хропе.
Генъ питъ полаткою одною
Щось то шушука, то гуде.

Мазепа.

Послухай Орлыкъ, ни, я бачу,
Що тута добре обмылывсь!
Зробывъ безъ глузду, на удачу,
Изъ Карломъ рано подружызсь;
Винъ хлопецъ, нибыто проворный,
До ризаныны геть моторный,
Регочется протывъ гарматъ; —

Та не іому, мини здается,
Петра посмыкать доведется,
Петро — ему не пани-братъ.
Карлъ прындится, да упыруе,
На долю все свою кладе,
Про Нарву тилки и товкуе.
Не знаю, якъ намъ припаде,
Соромляюсь, та що робыты!
Здуривъ и я, на стари лита
Кругомъ себе оцыркліовавъ.

Орлыкъ

А ябъ не такъ оце казавъ;
Подождемо кинця мы дилу,
Якъ поскубемъ Цареву сылу,
Дамо замирье Москалю.

Мазепа

Ни, пизно вже теперь Царю
Зо мною братику мырытся,
Не те въ души моій сыдыть;
Давно мій духъ на іого злытся
И серце ные и кыпыть.
Въ ночи — Азовъ якъ воевалы —

Зъ Царемъ у ставци мы гулялы,
Зъ іого боляръ тутъ де хто бувъ,
Я не до шмыгы щось белькнувъ:
Злякалысь гости, обомлилы,
Царь зъ серця чарку упустывъ
И за отціи усы били
Мене, чы чуешь!—ухопывъ!
Замовчавъ я, зыгнувшы спыну
У грудяхъ злисть мою здавывъ;
Іи, мовъ маты ту дытыну,
До сіого часу доносывъ.
Теперъ, нехай соби литае,
Іи не треба хоронить!
Я знаю, якъ Петро бажае,
Щобъ зновъ мене за усъ водыть.
Та ще побачымъ хто зволае,
Кому тикать; колыбъ зоря!...
Сказавъ, и очи зачыняе
Израдчыкъ билого Царя.

Давъ Госпидъ свитъ, наставъ день билый,
Блыснула на трави роса.
Ревуть гарматы; дымъ пресывый

Геть, геть, пишовъ пидъ небеса,
Повкы ряды свои зымкнулы,
Стрильци шатырять по терну;
Черкаютъ ядра, свыщуть кули;
Зъ штыкивъ збудовано стину.

Извыкшы зъ малку побываты,
Знай лизуть Шведы на гарматы;
Мовъ выхорь конныця летыть,
Пихота швендяе за нею.
Все поле якъ огнемъ горыть,
Ничуть ничого за ризнею,
Скризь гвалтъ, зыкъ, галасъ, скризь гремыть.
Ажъ ось, куды намъ лучше стало!
То тамъ, то тамъ втикае врагъ:
У суточкы давъ Розенъ драла,
Издавсь сердега Шлипенбахъ;
Синіокаптанныкивъ здавылы,
Богацько склызло ихъ значкивъ.
Самъ Богъ давъ Москалеви сылы,
И ихъ царя и праве дило
Святый зъ небесъ благословывъ.

Межъ виськомъ моцно щось гукае

Почулы речь царя Петра:
»За дило зъ Богомъ.» «изъ шатра
Винъ самъ зъ боярствомъ выхожае,
Мовъ матка зъ роемъ вылитае.
Цереви пидвелы коня,
Винъ сивъ; кинь огыремъ гарцюе,
Стрыба, на взаводы басуе,
Кача въ середыну огня.
Уже обиды; сонце гріе;
Ущухла трохи гуркотня.
Не де козакъ зачервоніе!...
Нема ни дыму ни огня.
Агу! все поле заревило.....
Скризь обызвалося ура;
Повкы побачылы Петра.
За нымъ бояре копотилы,
Чоло Москвы, одынъ въ одынъ:
И Шереметьевъ благородный,
И Брюсъ и Боуръ и Репнынъ,
. . . . . .
Гснъ передъ Шведамы своимы
Карлъ изъ носылокъ выглядавъ;
Винъ лупавъ, мовъ сова, очыма,
И щовь пыльненько сумовавъ.

Не залюбывъ небижчыкъ кули,
Iого що вранци пидоцькнулы!
Рукою мовчкы винъ кывнувъ
И на Петра повкы пужнувъ.

Зыйшлося вiйсько, зновъ на поли;
Трещятъ, бряжчять, шаблюкы голи,
Гримъ изъ гарматъ заклекотивъ,
Зъ гвынтивокъ кули засвытилы;
Заржалы кони, захропилы.
Уручъ схопылыся повкы,
Москаль и Шведъ и козакы;
Якъ дрова народъ такъ крышылы;
Шпыгалы пидъ бокы штыкы,
Межъ людомъ ядра заскакалы,
Видъ крови людкои шкварчалы,
Кругомъ ревило та гуло.
Прямее пекло тамъ було!

Усе старосто виськовее
Якъ мога на поле глядыть.
Хто бьется дуже, хто не тее,
Хто драла давъ, а хто стоить,
Кому пислать пидмогу треба,
Кому ыты куды пора,

Про те балакають межъ себе.
Биля Московского Царя
Стоитъ дидъ, дуже, дуже сывый;
Конычепько хвылясто-грывый
Іого до виська не несе.
Пидъ рукы, два іого держало,
Набилый свитъ дывывсь винъ мало;
Для іого повмирало все.
Палій! Сыбиръ тебе зсушыла!
Уже на жакъ твій козакы
Не позбираются въ повкы;
Захляла молодецька сыла!
Чогожъ винъ такъ замызковавъ?
Чого винъ ставъ темнищый ночи?
Чого такъ страшно свитять очи? —
Оце Мазепу винъ пизнавъ!
То ворогъ, серце заболило,
Свій рикъ, свое не моцне тило
Мабуть у перше винъ проклявъ.

По середыпци Сердюкивъ
Та денеякихъ козакивъ
Мазепа ходячы сумуе.
Иззаду выстрилъ; винъ зырнувъ,

То Войнаровскый такъ лыгнувъ,
Въ іого рукахъ мушкетъ дымує,
А недалечко, молодый
Козакъ, въ пылу въ крови валявся;
Почувшы волю кинь порскый,
Геть степомъ, выбрыкомъ побрався.
Козакъ на Гетьмана скакавъ,
Іого убыть козакъ бажавъ.
До іого Гетьманъ пидъижжае
Чогось у іого ще пытае,
Та пизно вже пытать теперъ;
Козакъ мовчить, козакъ умеръ!
Изъ любыщъ загубывъ винъ душу,
Зъ любкивъ и голову поклавъ,
Бо мья коханее Маруси
Вмираючы ище шептавъ.

Настала гарная годына
Пьятамы Шведчынъ накывавъ,
Москаль у трышія погнавъ;
Дала до лясу Нимцивъ сыла,
За ными конныця пира,
Шаткує на-здогинци коле.
Видъ крови червоніе поле,

А мертвихъ, скризь лежыть гора.

Петро на радощахъ гуляе.
Винъ Шведивъ плинныхъ самъ витае,
Витае и бояръ своихъ,
И чарку повну налывае
Мовлявъ — «за Спекторивъ моихъ!»....

Та дежъ той Карлъ, що въ гости ждалы,
Кого, мовъ щипку обчухралы,
Чому до гурту винъ нейде?
— Не ма бо тутъ іого нигде:
Король, у купи и Мазепа,
Далеко парють середъ степу,
И вавку Карлъ свою забувъ;
Якъ мога день и ничъ чухрае,
Насилу челядь зъ нымъ зъижжае.
Такъ зъ пидъ Пилтавы винъ дмухнувъ!

У Карла зъ боку Гетьманъ скаче
Кругомъ очыма обзыра.
Гулькъ, хуторъ у степу побачывъ;
Ушкварывъ прудко край двора,
Щось буцимъ-то іого злякало.
Безъ народу, стоявъ той двиръ

Де перше вешталось чымало;
Знай витромъ хвирткою качало,
И садъ ставъ, сказано, пустыръ.
Пизнавъ будынокъ ты гадюко
Де заплодывъ и смерть и муку?
Хочь перше й весело було,
Де ты гулявъ, неразъ, поганый
Де чарку пывъ въ беседи гарній,
Ховаючы свое жало;
Покы до того не влестывся,
Що зло компоновать пустывся:
Дытыну у ночи укравъ
Одъ батько ридного.... пизнавъ?

Скрызь хмары небо застылають;
Ночна доба. Биля Днипра;
На берези соби куняють
Невирни ворогы Петра.
Забувшы військо и Пилтаву,
И Москаливъ велыку славу,
На спорыши Карлъ гарно спавъ.
Та сонъ Мазепу облитае,
Покій видъ іого утикае;
Іому все все жарко, винъ стогнавъ,

Ажъ чуе, хтось іого позвавъ;
Зырнувъ.... изъ ляку затрусывся,
До іого блызько хтось схылывся.
Обшарпана, худа, блидна,
Дивоцьку косу розпустыла,
Очыма, нибы звирь свитыла,
Нагнувшысь передъ нимъ вона.
«Що се таке? се ты Маруся?

Маруся

Мовчы, почують насъ боюся,
Тыхенько шепоты теперъ,
И маты й батько мій умеръ!

Мазепа

Та що ты мелешъ, Богъ съ тобою,

Маруся

Послухай, що воны зо мною
Хотилы заразъ изробыть!
Якъ мусылы мене дурыть!
Куды втикать въ такую пору?
Куды диваться зъ поговору?
Якъ речъ скаженыхъ зупыныть?
Вона мини теперъ казала,
Що батька вже мого нема;

Іого я голову держала,
Да то не людська голова...
А вовча, бачишъ якъ дурыла
Вона Марусю, чуешъ ты!
Щобъ не гадала, й не хотила
Зъ тобою серденько втекты?
Чи можно?» Гетьманъ мовчкы слуха
Що дриботыть іому вона.
Изновъ не перевившы духу
Вона казаты почала:
»Я знаю празныкъ, тыскъ, народу
И мерцвякы, якого зброду!
Туды я зъ матирью ышла.
Та дежъ ты бувъ? зъ тобою ризно
Нужуся далеби що я!
Ходимъ до дому, глянь якъ пизно....
Скрутылась голова моя;
Тебе, я мала за другого,
Ты старцюга, якый страшный!
Ни, гарный бувъ Мазепа мій,
А ты, такъ здавсь на чорта злого.
Въ іого очу якъ жаръ любовъ,
А речи видъ огню жарчищи.
Видъ снигу усъ іого билищый,

А твій помазаный у кровъ.»
И зъ реготомъ завизкотила,
И мовъ лыхый іи злызавъ.
Мазепыне трусылось тило,
Іого цыганьскый питъ пронькмавъ.
Мовъ смертью на іого сопнуло,
За шкуру снигомъ мовъ сыпнуло,
И волосъ шапку пидсувавъ.

Изсклызла ничъ и небо сяе;
Ось швыдко сонечко блысне.
Шведъ не хропе. Доба другая
Изнову на коня жене.
Потраву козакы варылы,
А генъ, на берези Днипра,
Драбанты коныкивъ поилы.
Прокынувсь Карлъ:» ого, пора!
Вставай Мазепо, вже свитае..»
А винъ, давно, давно не спыть;
Туга ввесь духъ іого зпирае
И серце теплее крушыть.
Винъ мовчкы чорного сидлае;
За Королемъ покопотивъ —
И очи Гетьмана блыщалы,

Колы воны перескакалы
Конецъ украинскихъ степивъ.

Уже сто литъ перевернулось,
Якъ се робылось на земли.
Давно и племья те мынулось;
Сыны шукать батькивъ пишлы.
Рушенья виськового славы,
И ризаныны и побидъ,
Якъ дымъ пропавъ червоный слидъ.
И тилько ты Сподарь Пилтавы,
Межъ людомъ моцнои державы,
За те вси дякують тоби,
Втявъ грану памьятку соби.

Де витрякивъ окилъ крылатый
Бендеры мовъ обгородывъ,
Де бродять буйволы рогати
Межъ дуже давнишнихъ гробкивъ;
Тамъ выдно цеглы ворохъ цилый,
Та цегла мохомъ поросла.
И кажуть, що отъ видтиля
Король, до дуру дуже смилый,
Всю челядь пидъ мушкетъ зыбравъ
Въ останнѣ зъ Туркомъ жартовавъ.
А про Мазепу ни пивъ слова

Ни одъ кого и тамъ нечуть,
Іого заклекотила путь;
И тильки, бачъ, що годъ то знову
Въ церквахъ Анаѳему кленуть.
Да е святая та могыла
Де Искра и Кочубей лежять;
Ихъ церковь зъ мыромъ схоронила.
Цвите въ деканьци цилый рядъ
Дубивъ, воны пидъ часъ шумлять
Унукамъ, якъ дидывъ згубилы,
Бо прыятели ихъ садылы
Тогди на памьятку у садъ.
А дежъ дочка?—нихто не знае;
Нопречуть еи ни словця.
Нихто не зна іи конця.
Хыба въ сели якъ старець грае
На кобзи, всячыну брыньчыть,
Про еи писню заспивае:
Кругомъ козацство ажъ кышыть;
Сліозкы въ очахъ дывчачихъ сяють,
Чубамы парубкы кывають,
И дидъ насупывшысь сыдыть,
Згадавшы стародавній свитъ.

Цѣна 3 руб.

W 26

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS

LIBRARY OF CONGRESS
0002528642A